

—

XIV.

Терпение Се Чаньюэ было на исходе.

С того самого момента, как эти двое переступили порог его дома, он ждал, когда они наконец перейдут к делу.

Однако он лишь наблюдал, как они, едва пригубив чай, с подозрением и даже затаенной враждебностью отставляли пиалы в сторону. Так они и сидели до сих пор: от чая уже не шло ни струйки пара, а гости не проронили ни единого слова.

Складывалось впечатление, что стулья в их собственном доме стали вдруг неудобными, и они специально притащились к нему, чтобы просто посидеть в тишине.

Се Чаньюэ слегка кашлянул, собираясь взять инициативу в свои руки.

Но в этот момент...

— Юэ-эр, я вижу, за эти два года ты неплохо устроился. Теперь я могу быть спокойна, — тихим голосом произнесла вторая госпожа Шэнь.

Се Чаньюэ приподнял уголки губ в ослепительной улыбке:

— Вашими молитвами, госпожа. Вы, как я погляжу, тоже выглядите неплохо.

Разумеется, это была лишь пустая вежливость. Глядя на изможденный вид второй госпожи Шэнь, назвать его «неплохим» язык бы не повернулся.

Глядя на Се Чаньюэ, чья красота, казалось, расцвела еще ярче, госпожа Шэнь чувствовала, как на душе становится горько и тоскливо.

Девятнадцать лет назад, забеременев в поместье в Тунчжоу, она была по-настоящему счастлива. Этот ребенок был её надеждой и пропуском обратно в поместье графа Суйнина; она ждала его с замиранием сердца.

Позже она действительно вернулась в графский дом.

Но всё сложилось совсем не так, как в её мечтах о вечной любви и согласии с вторым господином Шэнем. Из-за того, что роды случились в горах, она пережила сильное потрясение, да и уход в поместье был не лучшим. После родов начались осложнения, и она долго не могла делить ложе с супругом.

Второй господин Шэнь быстро завел наложницу и почти перестал навещать жену.

Постепенно в её сердце зародилась обида на этого ребенка. Она винила его в том, что он погубил её здоровье. Чем больше она на него смотрела, тем больше изъянов находила, и долгие годы их отношения оставались холодными.

Впрочем, Се Чаньюэ с малых лет доказал свою состоятельность. Он был не только на редкость хорош собой, но и учился лучше всех братьев и сестер, схватывая всё на лету. Старый господин

и старая госпожа прочили ему блестящее будущее и выгодный брак, а потому выделяли его среди прочих.

И действительно, когда ему исполнилось двенадцать, состоялась помолвка с домом генерала Чжэньнана. Вторая госпожа Шэнь была крайне довольна, рассчитывая, что этот союз поможет карьере её старшего сына.

Поэтому три года назад, узнав, что этот ребенок ей не родной, она почувствовала лишь безграничное отвращение.

Однако дом графа рассудил иначе: годы, вложенные в воспитание и образование, не должны были пропасть даром. Ему предложили остаться, чтобы в будущем отправить во дворец или сделать наложницей в доме какого-нибудь принца или важного сановника.

Но Се Чаньюэ наотрез отказался. Он сам пожелал вернуться в ту захолустную деревню.

Вторая госпожа Шэнь всегда была человеком тщеславным. Одна мысль о том, что она столько лет растила крестьянского подкидыша как родного сына, приводила её в ярость: как над ней будут смеяться за спиной? А этот наглец еще и возомнил о себе невесть что, отвергнув путь, который она ему уготовила. Это только подлило масла в огонь.

Поэтому она безучастно смотрела, как он уезжает в деревню Хуанъян. Она ждала, когда он раскается. Ждала дня, когда он, как побитая собака, приползет обратно умолять о прощении — и тогда-то она уж точно захлопнет перед ним дверь.

Но кто же знал, что Се Чаньюэ окажется таким строптивым? Он наотрез отказался идти по начертанному ей пути.

Мало того, что он вернулся в столицу с титулом цзюньцзюня, так еще и муж его стал первым фаворитом императора. Человек, который два года назад был для неё прахом под ногами, теперь стал тем, у кого ей приходится просить милости.

Какая ирония...

Второй госпоже Шэнь хотелось горько рассмеяться, но момент был неподходящий. Она пригубила чай, скрывая бурю эмоций, и небрежно заметила:

— Это Люань Гуапянь. Помнится, раньше ты не жаловал этот сорт.

Се Чаньюэ захолопал ресницами:

— Как любезно с вашей стороны, что вы помните такие мелочи, госпожа. На самом деле, мне очень нравится этот чай. И мой муж теперь тоже разделяет мою любовь к нему.

В комнате повисла тишина.

— ... — вторая госпожа Шэнь замялась.

Она поправила волосы у виска, чувствуя неловкость, смешанную с раздражением. Раньше, в поместье графа, этот юнец никогда бы не посмел так с ней разговаривать. Однако сейчас ей оставалось лишь нацепить вежливую улыбку:

— Видимо, годы берут свое, память подводит. Но раз уж тебе и господину ученому Гу так нравится этот чай, у меня как раз припасено немало свежего сбора этого года. Я пришлю вам

немного.

— Благодарю за доброту, госпожа, — Се Чаньюэ нахмурился, не желая больше играть в загадки. — Но я не привык принимать подарки просто так. Будьте любезны, скажите прямо: зачем вы пришли?

От его тона госпоже Шэнь стало еще неприятнее, но, помня о цели визита, она сохранила маску учтивости. Она посмотрела на Се Чаньюэ и спросила:

— Говорят, господин ученый Гу расследует дело о хищении оружия в гвардии Шэньву. Ты об этом знаешь?

В этот момент Шэнь Чанхуань, который до этого притворялся мебелью, весь обратился в слух.

Се Чаньюэ кивнул:

— Да, я в курсе.

Лицо второй госпожи немного расслабилось, и она продолжила:

— Господин Гу так молод, а уже удостоен столь важного поручения — поистине великая милость императора. Но не закралась ли какая-то ошибка? Ведь он схватил твоего старшего брата!

— Минутку, — Се Чаньюэ приподнял бровь и жестом прервал её. — У меня нет старшего брата. Есть только двое младших сводных братьев, которые живут в деревне Хуанъян уезда Уцин.

Шэнь Чанхуань презрительно хмыкнул.

Вторая госпожа Шэнь стиснула зубы, но тут же поправилась:

— С языка сорвалось... Я имела в виду нашего Чанье. Господин Гу схватил его! Юэ-эр, ты же знаешь, нашему поместью графа Суйнина нет нужды марать руки из-за пары медяков с продажи оружия. Тут явно какое-то недоразумение. Не мог бы ты замолвить словечко перед мужем, чтобы он отпустил Чанье?

Закончив, она облегченно выдохнула и с надеждой уставилась на Се Чаньюэ, ожидая немедленного согласия.

Встретив этот взгляд, Се Чаньюэ не выдержал и тихо рассмеялся. Ему вспомнилось прошлое. Когда он жил в поместье, вторая госпожа никогда его особо не любила, души не чая лишь в Шэнь Чанье.

Правда, Чанье обладал взрывным характером, не любил книги, а предпочитал кулачные бои, чем постоянно гневал старого господина и второго господина Шэня. Его то и дело наказывали — то заставляли стоять на коленях в храме предков, то пороли по семейным законам.

Тогда вторая госпожа сама не смела идти просить за сына, но смотрела на Се Чаньюэ именно таким взглядом и говорила: дедушка и бабушка тебя ценят, пойдя попроси за брата, тебе не откажут. В то время он еще дорожил ей как матерью и неизменно поддавался на эти уговоры.

Но сейчас...

Се Чаньюэ холодно прищурился:

— Госпожа, в государстве есть законы, в семьях — правила. Дело о краже оружия — это не шутки, нельзя просто так взять и отпустить человека по просьбе. Вы переоцениваете мои возможности. И возможности моего мужа тоже.

Вторая госпожа Шэнь изменилась в лице, но заставила себя успокоиться:

— Юэ-эр, я знаю, ты таишь обиду на меня, на Чанхуаня, на всё поместье. Поэтому мы с Чанхуанем сегодня специально пришли извиниться перед тобой. Но твой старший брат... он всегда был...

Се Чаньюэ сухо перебил её:

— Госпожа, позвольте напомнить еще раз: у меня нет старшего брата. И я ни на кого не обижен, потому что сейчас живу в десять тысяч раз лучше, чем прежде.

Услышав это, вторая госпожа Шэнь распахнула глаза, её эмоции наконец вырвались наружу, и она вся задрожала:

— Ха! Конечно! Ты теперь особа важная, целый Чанмин-цзюньцзюнь, отрезал все связи с домом графа Суйнина!

— Эти связи были отрезаны три года назад, когда я решил уйти, — усмехнулся Се Чаньюэ и посмотрел на притихшего Шэнь Чанхуаня. — В крайнем случае, они были окончательно разорваны в позапрошлом октябре, когда двое ваших сыновей требовали у меня деньги «на жизнь» в башне Тяньюнь, и я привез им серебро к дверям дома. Так что, госпожа, не стоит пытаться играть на моих чувствах — это бесполезно.

Шэнь Чанхуань скосил глаза на Се Чаньюэ. Он уже вышел замуж за Сяо Цзинчуаня и теперь принадлежал семье Сяо. Если бы мать не притащила его сюда силой, желая выведать хоть какие-то новости, он бы в жизни не стал терпеть выходки этого выскочки.

— Ты... — вторая госпожа Шэнь была вне себя от ярости. Она указала на Се Чаньюэ пальцем, окончательно теряя самообладание: — Такой бессердечный и неблагодарный гер! Ха! Слава богу, что ты вышел не из моего чрева! Поделом тебе, что родная мать бросила тебя ради своей выгоды еще при рождении! Такие, как ты, не заслуживают счастья!

Шэнь Чанхуань не удержался от злорадной ухмылки.

Лицо Се Чаньюэ заледенело. Он смотрел на эту парочку так, словно перед ним были два оживших трупа.

Спустя мгновение он медленно выдохнул и процедил сквозь зубы:

— Проваливайте! Убирайтесь вон, пока я не взял в руки метлу!

Лицо второй госпожи Шэнь стало мертвенно-бледным. Она и представить не могла, что доживет до дня, когда подвергнется такому унижению со стороны Се Чаньюэ.

Она медленно побрела к выходу из зала. Бросив взгляд за ворота поместья цзюньцзюня, она заметила, что там уже остановилось несколько экипажей — вероятно, это были семьи других гвардейцев, схваченных Гу Сыюанем, которые приехали разузнать хоть какие-то новости.

В её голове вспыхнула коварная мысль, а взгляд внезапно стал ядовитым.

Се Чаньюэ, не сводивший с неё глаз, сразу всё понял. Прожив с этой женщиной шестнадцать лет, он изучил её натуру досконально. Не колеблясь ни секунды, он произнес:

— Госпожа, если вы задумали устроить здесь, перед воротами, какое-то постыдное представление, клянусь — вы очень быстро об этом пожалеете. За каждую вашу выходку, которая расстроит меня, я буду мстить Шэнь Чанъе, который сейчас в тюрьме. Ему может внезапно не поздоровиться... например, он может лишиться руки или ноги.

Вторая госпожа Шэнь вздрогнула всем телом. Она действительно собиралась закатить истерику прямо на улице.

Поддерживающий её под руку Шэнь Чанхуань тоже почувствовал эту дрожь. Он невольно покосился на Се Чаньюэ: «Какая жалость, что этот выскочка так пронизателен. А ведь могло выйти забавное зрелище».

Се Чаньюэ продолжал:

— К тому же, если вы сегодня опуститесь до площадной брани и потеряете лицо, то даже если Шэнь Чанъе однажды выйдет на свободу чистым перед законом, он будет лишь презирать вас. Вы знаете его вспыльчивый нрав: он решит, что вы опозорили его перед всеми друзьями. Скандала вам тогда не избежать.

Вторая госпожа Шэнь прикусила губу так сильно, что едва не выступила кровь. В итоге, опираясь на Шэнь Чанхуаня, она села в повозку и, не оглядываясь, покинула переулок Юйшу.

Тюрьма Министерства наказаний. Допросная.

За длинным судейским столом в центре восседал левый помощник министра (шилан) Министерства наказаний Цинь Хуай. По обе стороны от него сидели глава Судебного ведомства (Далисы) Хоу Цзи и верховный цензор (Юйши дафу) Юй Цю.

Гу Сьюань сидел чуть поодаль, на стуле по правую руку от главы Судебного ведомства.

Дело такого масштаба, затрагивающее основы безопасности столицы, не могло рассматриваться одним лишь чиновником пятого ранга — это не вызвало бы доверия у знати, а результат был бы поставлен под сомнение. Поэтому на утренней аудиенции император Юнцзя повелел: дело будет вестись совместно «Тремя ведомствами» (Министерством наказаний, Судебным ведомством и Цензоратом) и Гу Сьюанем.

Цинь Хуай покосился на Гу Сьюаня. Зная, что тот пришел с личным золотым жетоном императора, он вежливо произнес:

— Ученый Гу, раз уж этих людей задержали именно вы, то вам и начинать.

Недавно министр наказаний ушел на покой, и Цинь Хуай временно исполнял его обязанности. Это дело было для него важнейшим испытанием. И хотя император назначил совместный суд, он четко дал понять: ведущая роль — у Гу Сьюаня. Опытные чиновники решили просто подыгрывать фавориту, пока тот не переходит границы.

Гу Сьюань кивнул, не тратя времени на ложную скромность. Он слегка поднял голову и скомандовал:

— Приведите Цзя Тунгуана.

Двое гвардейцев Лунсян тут же скрылись в коридоре.

— Вы хоть знаете, кто я такой?! Как вы посмели меня схватить... Я ничего не делал! Я не пророню ни слова! — раздался возмущенный мужской голос.

В следующую секунду в комнату втащили избитую фигуру, которую бросили на пол, словно старую тряпку.

— Хм... — Гу Сыюань мельком взглянул на него и махнул рукой палачам: — На дыбу.

Двое тюремщиков Министерства наказаний мгновенно подхватили Цзя Тунгуана, оттащили его к деревянному кресту и туго обмотали его запястья пеньковой веревкой. Ноги пленника были сломаны еще при аресте, и теперь, когда его заставили стоять на них, он зашелся в душераздирающем крике.

Тем временем тюремщики взяли по тяжелой плети из воловьей кожи, вымоченной в тунговом масле. Такая плеть была невероятно гибкой и прочной — каждый удар буквально сдирал кожу до костей.

Цзя Тунгуань храбрился лишь потому, что происходил из знатной семьи. Его прадед был герцогом Ин, и хотя титул давно утратил влияние, а семья обеднела, он вырос в холе и неге. Попав в гвардию Шэньву по связям, он занимал номинальную должность капитана и почти не появлялся на учениях. Такой боли он не знал никогда — он орал так, будто из него заживо вынимали жилы.

После третьего удара он уже был весь в соплях и слезах.

— Я скажу!.. Я во всем признаюсь!.. — вопил он.

Палачи вопросительно взглянули на Гу Сыюаня. Тот лениво откинулся на спинку кресла и сухо произнес:

— Такой герой, как капитан Цзя, не может сдаться так быстро. Отвесьте-ка ему еще двадцать плетей. Да бейте посильнее, не позорьте свое ремесло в его глазах.

— Будет сделано! — осклабились палачи.

Свист-хлыст! — удары посыпались один за другим. Тюремщики, годами не видевшие солнца, находили в чужих страданиях извращенное удовольствие.

— ... — Цзя Тунгуань был в ужасе.

Кто сказал, что он герой?! Он же ясно сказал — он признается!

Он содрогался всем телом, пытаясь увернуться от ударов, и вопил во всю глотку:

— Признаюсь!.. Молю, я всё скажу!.. Дайте мне сказать!

Очередной удар пришелся по шее, заставив его захлебнуться криком.

— Умоляю... Дайте признаться... Слышите вы?! Я ХОЧУ ПРИЗНАТЬСЯ!

Гу Сыюань сидел, сплетя пальцы, и смотрел на него так, словно был абсолютно глух к мольбам.

Цинь Хуай нахмурился. Опасаясь, что подозреваемый просто испустит дух, не дав показаний, он тихо шепнул:

— Ученый Гу, кажется, человек созрел для чистосердечного.

Цзя Тунгуань истошно закричал:

— Да! Да! Я давно готов!

Гу Сьюань поднял веки:

— Неужели? Ну что ж, в таком случае — прервитесь.

Палачи мгновенно замерли. Цзя Тунгуань шумно выдохнул, чувствуя, что смерть на мгновение отступила.

Гу Сьюань посмотрел на него в упор:

— Говори.

— Говорю... я говорю... — Цзя замялся, его затуманенный мозг не сразу сообразил, с чего начать. — О чем... о чем говорить?

Обычно допрос строился на вопросах и ответах, но этот человек молчал. Что он должен был сказать первым?

Гу Сьюань перевел взгляд на тюремщиков и коротко бросил:

— Продолжайте.

Палачи, не мешкая, снова взмахнули плетями. *Свист-хлыст!*

У ветеранов «Трех ведомств» задергались веки. Они повидали многих дознавателей, но такой грубости не встречали: одно неверное движение — и сразу пытка.

Цзя Тунгуань заголосил:

— Я вспомнил! Вспомнил, что говорить!..

Сьюань кивнул:

— Хорошо. Остановитесь.

Цзя Тунгуань закивал как заведенный. Он понял, что перед ним настоящий дьявол, и больше не смел юлить:

— Два года назад в игорном доме Цзитун я познакомился с Хо Бинем...

Гу Сьюань прищурился, мгновенно извлекая данные из своей памяти:

— Хо Бинь из четвертого подразделения Северного лагеря?

Цзя Тунгуань странно посмотрел на него, а затем усиленно закивал, всхлипывая:

— Да, это он! Это он меня довел до такого! Тогда я проиграл всего сто лян серебра, я мог бы

пойти к отцу и попросить, чтобы он покрыл долг... Но Хо Бинь сказал, что может сначала одолжить мне, и в итоге к концу дня я проиграл пять тысяч лян... Пять тысяч! Если бы отец узнал, он бы меня до смерти забил...

Дальнейший допрос пошел как по маслу. В основном говорил Цзя Тунгуан — всё, что приходило в голову. Время от времени Гу Сьюань вставлял короткое напоминание или наводящий вопрос.

Такой метод позволял добыть куда больше зацепок, чем сухой формат «вопрос-ответ».

Когда Цзя Тунгуан уже выжал из памяти всё до последней капли, Гу Сьюань начал задавать повторяющиеся вопросы, основываясь на уже данных показаниях. Если бы подозреваемый солгал в начале, такие внезапные повторы быстро бы его выдали.

К удовлетворению Сьюаня, этот парень хоть и не был главным заговорщиком, оказался на редкость честным.

Следом Гу Сьюань допросил еще несколько человек. Тюремщики быстро поняли его стиль работы, и он им пришелся по душе.

Правило было простым: если кто-то, войдя в допросную, смел сказать лишнее слово — его тут же потчевали плетью, пока он сам в слезах не начинал молить о возможности признаться.

А во время признания: если ведешь себя прилежно — мучения прекращаются. Если же вздумаешь хитрить или юлить — хе-хе, тюремщики заставят тебя пожалеть о самом факте появления на свет.

В итоге, за исключением пары-тройки отчаянных сорвиголов, все давали показания крайне охотно, едва ли не перечисляя предков до восьмого колена.

Цинь Хуай и остальные чиновники по-новому взглянули на методы Гу Сьюаня. Оказалось, что эта бесцеремонная тактика «сначала бей, потом слушай» работала куда эффективнее, чем их постепенные, изощренные пытки.

Преступники не могли понять, что у дознавателя на уме, и потому не смели интриговать.

Помимо информации о хищениях и «мертвых душах», следователи узнали даже такие подробности, как кто в казарме громче всех храпит, кто любит присваивать чужие мелочи и у кого заведена тайная любовница на стороне.

Гу Сьюань прищурился и приказал охранявшему его гвардейцу Лунсян:

— Содержание любовницы требует немалых затрат. Возьмите эти данные, найдите всех этих женщин и возьмите под стражу. На тех, у кого есть дети, обратите особое внимание.

— Слушаюсь!

Хотя несколько главных воротил еще не дали показаний, общая картина хищений становилась всё яснее. Нити заговора всё чаще вели к одному человеку — офицеру Северного лагеря Коу Юань.

Когда Коу Юань ввели в зал, он разразился ругательствами:

— Да как вы смеете меня хватать?! Вот выйду отсюда — вы все у меня кровью умоеетесь!

Гу Сьюань даже не удостоил его взглядом. Уголок его губ едва заметно дернулся, и он скомандовал:

— На дыбу.

В этот момент глава Судебного приказа тихо напомнил:

— Господин Гу, этот человек весьма... непрост.

Сьюань покосился на него:

— В чем же он непрост? Родственник императора?

— ...В каком-то смысле. Он зять министра Вана и муж двоюродной сестры Пятого принца, — Цинь Хуай не удержался от многозначительного взгляда. — Говорят, господин Гу весьма дружен с шестнадцатым молодым господином из семьи Ван.

Глаза Гу Сьюаня опасно блеснули:

— Хм, зять двоюродной сестры Пятого принца... Похоже, дело о хищении оружия и впрямь тянется к императорской семье. Попробуйте его!

Цинь Хуай и остальные опешили. «Ну и молодежь пошла — режет правду-матку в глаза. Разве такие вещи произносят вслух?»

Но... почему пытки-то не отменили?

Гу Сьюань милостиво пояснил:

— Он всего лишь зять Вана Сюя, а не его родной сын. Слышал я, что шурины и зятя — извечные враги. Если я его побью, Ван Сюй, может, еще и спасибо скажет.

— ... — почтенные судьи снова впали в ступор. Оригинальная у него логика.

Впрочем, Коу Юань оказался крепким орешком. Несмотря на десятки ударов плетью, он, стиснув зубы, твердил, что ни в чем не виноват.

Пришлось пустить в ход раскаленное железо и бамбуковые иглы под ногти.

Старики-судьи уже не выдержали и начали уговаривать:

— Генерал Коу, признайтесь уже по-хорошему. Если продолжите, то даже если выйдете на волю, останетесь калекой на всю жизнь.

Коу Юань бессильно уронил голову на плечо. Услышав это, он вдруг тихо рассмеялся, и из уголков его рта потекла кровь.

Он смеялся всё громче, пока не зашелся в страшном кашле, не в силах вымолвить ни слова.

Гу Сьюань остался безучастным:

— Если не можешь говорить — пиши. Если не можешь писать — я буду писать сам, а ты будешь кивать или мотать головой на каждом слове.

— ... — Цинь Хуай и коллеги переглянулись. «Жестко. Слишком жестко».

Наконец Коу Юанью перестал харкать кровью и прохрипел:

— Чего вы от меня хотите? Чтобы я сказал, что оружие продал я? Или лучше сразу сдать «главного заговорщика»? Желательно — Пятого принца, верно?

Судьи затаили дыхание.

Гу Сьюань же легко рассмеялся:

— Неплохо сказано. Но признаний от тебя хотим не мы, а Его Величество. Что касается «заговорщика» — виноват будет тот, кто виноват. Раз уж ты сам упомянул Пятого принца... это он?

Коу Юанью с трудом поднял голову:

— Хм, раз ты так говоришь — пусть будет так. В конце концов, мы родственники.

Услышав это, Гу Сьюань кивнул:

— Отлично. Вы все слышали — офицер Коу признался. Это Пятый принц приказал ему действовать. Немедленно готовьте бумагу и тушь для протокола.

Затем он снова обратился к Коу Юанью:

— Раз уж ты признался, опиши в подробностях процесс ваших переговоров с принцем и укажи местонахождение оружия. Я хочу поскорее отправиться во дворец и доложить Его Величеству. Если честно, я и сам не люблю всю эту кровавую возню.

— ... — Цинь Хуай и остальные двое судей поспешно вцепились в его рукава: — Господин Гу, стойте! Коу Юанью явно сказал это в сердцах, от злости! Как можно принимать такие слова всерьез?

Гу Сьюань холодно усмехнулся:

— Кто знает, не использует ли он свой гнев, чтобы скрыть истинную цель? В искусстве войны сказано: «Ложь под видом правды, правда под видом лжи»...

Коу Юанью, видя, что этот человек не собирается давать ему поблажек ради семьи Ван и что допрос идет совсем не по его сценарию, почувствовал невыносимую обиду и гнев.

Не выдержав ярости, он просто потерял сознание.

Судьи облегченно выдохнули.

— Хм, похоже, сегодня признаний больше не будет. Уже поздно, я собираюсь домой, — Гу Сьюань поднялся, разочарованно поджав губы. Он бросил Цинь Хуаю: — Этот человек крайне упрям, он явно «крупная рыба». Позаботьтесь, чтобы Министерство наказаний глаз с него не спускало.

— Будьте спокойны, господин Гу, — кивнул Цинь Хуай. — Из нашей тюрьмы еще никто не сбежал. Отправляйтесь домой и отдохайте.

Гу Сьюань окинул его взглядом — на лице чиновника так и читалось: «Уходи уже, чума на оба твои дома».

Покинув Министерство наказаний, Сьюань сначала заехал во дворец, чтобы доложить о ходе дела.

Император Юнцзя нахмурился:

— Коу Юань... Где-то я слышал это имя.

Гу Сьюань подсказал:

— Он зять министра Вана из Министерства чинов.

Взгляд императора потемнел:

— Хм, значит, и Ван-цина* это коснулось.

[**Ван-цин (王勤) — уважительное обращение императора к министру Вану.]

«Коснулось это твоего любимого сыночка, вот что важно», — про себя подумал Сьюань.

Когда Гу Сьюань вернулся в переулок Юйшу, он увидел Се Чаньюэ у ворот. Тот как раз выпроваживал назойливых просителей из знатных домов:

— Не стоит приходить в наш дом с подношениями! Мой муж хочет лишь одного — раскрыть дело. Если ваши близкие невиновны — клянусь, они вернутся домой в целости и сохранности. Если же виновны — мольбы мне не помогут. Лучше идите и молитесь своих предков, чтобы этот непутевый сын не утянул за собой всю семью на плаху!

Сказав это, он резко развернулся... и увидел неподалеку карету и знакомую высокую фигуру.

Се Чаньюэ сам не знал почему, но, вспомнив свои недавние слова, вдруг немного засмутился.

Гу Сьюань подошел и холодно окинул взглядом толпу просителей:

— Цзюньцзюнь прав. Возвращайтесь по домам. Не вставайте на скользкий путь, губя и себя, и других.

После этого он взял Се Чаньюэ за руку и, не глядя по сторонам, повел его в дом.

— Почему ты сегодня так рано? — с любопытством спросил Се Чаньюэ на ходу. — Ты же говорил, что будешь допрашивать преступников в тюрьме Министерства наказаний?

Гу Сьюань с каменным лицом ответил:

— Сегодня я подверг всех суровым пыткам, допросы почти завершены. Завтра представлю результаты Его Величеству: кого — казнить, кого — четвертовать.

Люди из знатных домов, которые еще не успели разойтись, услышав это, мгновенно изменились в лице. Кое-кто едва не грохнулся в обморок прямо у порога поместья.

Се Чаньюэ искоса взглянул на мужа. Он подозревал — нет, он был абсолютно уверен, что тот

сделал это нарочно, чтобы заставить этих людей мучиться от неизвестности и страха.

Однако, подумав, что всё это, скорее всего, ради того, чтобы выплеснуть гнев за него, Се Чаньюэ почувствовал, как в сердце словно опрокинули горшочек с медом.

Едва они вошли в дом, он тут же обхватил руку мужа и нежно защебетал:

— Муж мой, ты такой замечательный. Я люблю тебя больше всех на свете.

— Цени это, — Гу Сыюань ущипнул его за щеку и поцеловал.

Когда они вошли в главный зал и сели, он сразу заметил на столе несколько чайных чашек и нахмурился.

Гу Сыюань притянул своего супруга к себе и, усадив его на колени, тихо спросил:

— Из поместья графа Суйнина кто-то приходил?

Се Чаньюэ обвил его шею руками и кивнул:

— Мой муж зрит в корень.

Гу Сыюань посмотрел на него:

— Они не наговорили тебе гадостей?

Се Чаньюэ вздернул бровь и гордо усмехнулся:

— Благодаря моему мужу, они пришли сюда просить меня о милости. Как бы они посмели говорить гадости...

Видя этот самодовольный вид, Гу Сыюань не удержался и снова несколько раз поцеловал его, даже слегка прикусив мягкие губы.

Спустя некоторое время он намеренно спросил:

— Кто именно приходил? Вторая госпожа Шэнь? Она просила за кого-то, и ты согласился?

Се Чаньюэ слизнул капельку крови с припухших губ и сердито уставился на него:

— Конечно нет! За кого ты меня принимаешь? Разве я стану в таком важном деле вставлять тебе палки в колеса?

Услышав это, Гу Сыюань прищурился:

— Жаль.

Се Чаньюэ посмотрел на него в полном недоумении:

— Что жаль?

Уголок губ Гу Сыюаня слегка приподнялся, и он невозмутимо произнес:

— На самом деле, можно было бы для вида и согласиться.

— А... — услышав это, Се Чаньюэ округлил глаза. Глядя на мужа, он серьезно и с легкой тревогой в голосе спросил: — У тебя есть какой-то хитрый план, чтобы заманить врага в ловушку или спугнуть змею? Почему же ты не сказал мне об этом раньше, когда был дома? Я бы хоть как-то подыграл...

— Вовсе нет, — покачал головой Гу Сьюань.

— А? — Се Чаньюэ окончательно растерялся. — Тогда что?..

Лицо Гу Сьюаня осталось бесстрастным, а голос звучал ровно:

— Просто хотел посмотреть, как бы ты умолял меня на этот раз. Когда ты просил меня написать тот доклад, ты вел себя весьма недурно.

Лицо Се Чаньюэ почти мгновенно стало пунцовым.

Тот случай, когда он просил мужа написать доклад... Это же было после того, как он отвесил пощечину сыну принцессы Лиян!

Тогда он был вынужден «благодарить» его в кабинете... и притом сидеть сверху и двигаться самому...

— ... — Се Чаньюэ.

Его муж... он просто невозможный человек!

—

<http://bllate.org/book/14483/1281596>